

Владимир Рудинский

Детективная литература в России

В своей статье «Шерлок Холмс» в номере «Нового Русского Слова» от 17 апреля Г.Раковский затрагивает интересные вопросы о детективном жанре вообще и о его судьбе в СССР, но приводимые им данные не совсем полны. Между тем, на эту тему не лишено интереса поговорить несколько подробнее.

Как и отмечает Г. Раковский, отцом этого рода литературы принято считать Эдгара По за его серию рассказов, «Двойное убийство на улице Морг», «Убийство Мари Роже», «Украденное письмо», объединенных общим персонажем сыщика-любителя Дюпэна. В дальнейшем у По нашлся талантливый продолжатель в лице Конан Дойля, быстро завоевавшего мировой успех. Его вещи, как и рассказы Эдгара По были переведены на русский и хорошо известны у нас на родине читающей публике.

Ошибочно думать, однако, что сочинения Конан Дойля в России последних лет [так в тексте – *Н.В.*]. Наоборот, около 1927 - 1928-го года были выпущены, видимо в новых переводах, несколько сборников рассказов о Шерлоке Холмсе («Приключения Шерлока Холмса», «Воспоминания о Шерлоке Холмсе») и роман «Басквервилльская [так в тексте – *Н.В.*] собака». Если память мне не изменяет, то и два другие романа этого же цикла тоже – «Красное по белому» и «Знак Четырех», Они все сразу же раскупались и зачитывались до дыр; наряду с тем высоко ценились дореволюционные издания Конан Дойля, содержавшие большее количество рассказов.

В то же время переводились и выпускались рассказы и романы новых авторов в той же области. Наиболее талантливым был англичанин Честертон, создавший новый тип сыщика, католического священника, патера Брауна, три или четыре сборника рассказов о котором имели у публики заслуженный успех. Патер Браун отличается от своих коллег – сыщиков тем, что его интересует не наказание, а исправление преступников, и спасение их души. Ему и удается обратить и привести к честной жизни своего долголетнего противника, блестящего грабителя Фламбо.

Переводились детективные рассказы и с других языков, например, с немецкого, книга Франка Геллера «Доктор Ц.», герой которой разгадывает преступления при помощи психоанализа. Действие происходит в Голландии, где обитает врач-психиатр Циммертюр, раскрывающий таинственные убийства, похищения бриллиантов у амстердамских ювелиров, находящий закопанный преступниками клад, открывающий путем последовательного размышления сейф, комбинация от которого потеряна.

Были переведены некоторые романы Эдгара Уоллеса («Таинственный сосед миллионера»). Но гораздо больше было помещено его рассказов в журнале «Вокруг Света», где часто фигурировал также Филиппс Оппенгейм, как и Уоллес, писатель среднего уровня, без основательности и логичности Конан Дойля и без психологической глубины Честертона, но способный находить острые положения и развивать занимательную интригу.

Более поздние достижения детективного жанра, как сочинения двух английских писательниц, Дороти Сэйерс и Агаты Кристи, до СССР не дошли, по крайней мере до войны, да, предполагаем, и до сего дня.

Циркулировали также переведенные с французского романы Мориса Леблана, герой которого, Арсен Люпэн, есть как бы «анти Шерлок Холмс», – гениальный преступник, обманывающий все усилия полиции. Леблан – писатель талантливый, но несколько поверхностный, не достигающий серьезности психологического анализа Конан Дойля или Честертона.

Параллельно делались попытки создать «советского Шерлока Холмса». Наиболее удачными из них были «Месс-Менд» и «Лори Лэн, металлист» Мариэтты Шагинян и «Чемодан из крокодиловой кожи» Льва Никулина. Любопытно, что в обоих случаях романы связаны с научно-

фантастическим жанром. Вспоминается еще сыщик Иван Пузиков, придуманный Шишковым, роман которого «Угрюм – Река» [так в тексте – *Н.В.*] печатается сейчас в «Новом Русском Слове», но трактованный им скорее в юмористическом плане.

До революции в России не успела развиваться отечественная детективная литература, – что объясняет в значительной степени и предубеждение против всего подобного жанра, существующее у русской эмиграции, и то, что он в дальнейшем не возродился в советские времена. Из того, что было в старой России, стоит упомянуть разве что записки сыщиков Путилина и Кошко, довольно интересные, но слишком фактические и не поднимающиеся до уровня художественной литературы. Близок к этой сфере и Крестовский со своими «Санкт-Петербургскими тайнами», тоже довольно слабыми, впрочем. Было и нечто вроде «русского Арсена Люпэна» в виде лубочных романов об «Антоне Кречете». Можно, впрочем, сказать, что лучшие вещи Достоевского, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (а отчасти также и «Бесы» и «Униженные и оскорбленные») есть по сути дела детективные романы, только написанные на небывалом и непревзойденном уровне таланта; и на это трудно что-либо возразить.

В советскую эпоху попытки детективного рассказа все время делались, пока существовали такие журналы, как «Вокруг Света», «Мир Приключений» и «Всемирный Следопыт», регулярно печатавшие и переводы с иностранных языков в этой области. В том числе там были опубликованы и самые последние рассказы Конан Дойля о Шерлок Холмсе («Тайна Львиной Гривы» в «Мире Приключений», «Вампир из Суссекса» в «Вокруг Света»).

В эмиграции стоит приветствовать чуть ли не единственный опыт детективного романа, сделанный Михаилом Байковым, выпустившим в издательстве «Наша Страна» неплохую повесть «Рука майора Громова». Некоторые её дефекты в значительной степени объясняются, видимо, отсутствием соответствующей школы и традиции в русской литературе. Между тем, к созданию их делались в СССР усилия, и нередко талантливые, во времена Нэпа, и были задавлены только с наступлением периода коллективизации и с усилением террора.

Парадоксально, этот период порождал предпосылки для создания специальной ветви детективного романа о борьбе с иностранными шпионами, вредителями и диверсантами. Но на этом поприще связанные по рукам и ногам писатели как-то не сумели произвести ничего ценного. Надо отметить, как наиболее удачный, роман польского коммуниста Бруно Ясенского, казненного в СССР и недавно реабилитированного, «Человек меняет кожу». Ближе к классическому детективному жанру были опубликованные в одном из советских журналов очерки Альтшулера о работе уголовного розыска.

Вообще же, в эмиграции как-то не знают или забывают о развитии в СССР переводной литературы в первое время после революции, так до 1929-1930-го годов. Между тем, это было явлением довольно серьезного значения. Если его не учитывать, то это развивает неверную и вредную концепцию, бытующую за границей, о том, что советские обыватели, особенно молодежь, совсем ничего не знают о Европе и Америке, об их быте, их литературе, их культурной жизни.

На деле, во времена от 1924 до 1929-го года в Советском Союзе было издано множество переводов с различных иностранных языков в самых различных литературных жанрах, в том числе очень много книг для молодежи. Там были опубликованы исторические романы Александра Дюма (в великолепном издании «Академия», под редакцией профессора А.А.Смирнова) и Вальтера Скотта; авантурные Майн Рида; научно-фантастические Жюль Верна и Герберта Уэллса (печатавшиеся как приложение к журналу «Всемирный Следопыт»). Было издано полное собрание сочинений Джэка Лондона; некоторые вещи Стивенсона («Похищенный», «Катриона»); многие романы и рассказы Джозефа Конрада («Случай», «Теневая черта», «Тайфун» и «Рассказы о непокое»). Очень большой успех имел английский писатель Райдер Хаггард («Люди Тумана», «Сердце Мира», «Копи царя Соломона»). Не менее популярен был и американец Эдгар Райс Бэрроуз со своими романами о марсианах («Дочь тысячи джеддаков», «Тувия») и о Тарзане. Из более поздних писателей приключенческого жанра одним из любимцев читателей был канадец Джэмс Оливер Кэрвуд, писавший романы о животных, как бы продолжая традицию Джэка Лондона («Казан», «Бродяга Севера»). Хорошо был известен и англичанин де Вэр Стэкпул, писавший больше всего о быте южных морей. Упомянем еще, в силу неожиданной актуальности,

которую теперь приобрела их тема, романы поляка Юрия Жулавского о путешествии на луну, «На серебряном шаре», «Победитель».

Всем этим книгам обычно предпосылались выдержанные в строго коммунистическом духе предисловия, а в тексте иногда делались странные и даже смешные искажения (так, совершенно был переделан конец упомянутого выше романа «Люди Тумана», с переделками в тексте был издан роман Кэрвуда «У истоков реки»). По счастью, последнее было все же скорее исключением.

Перечисленные выше книги тем и важны, что их читала прежде всего молодежь, для которой эти писатели иногда были своего рода учителями жизни и властителями дум, гораздо больше, чем скучная и серая советская литература. Их героям хотелось подражать куда больше, чем героям большевистской казенной словесности. И от таких романов оставалось в общем довольно ясное и здоровое представление о западной жизни. Тогдашние подростки – теперь взрослые люди, занимающие посты в самых разных отраслях жизни страны. Подобные книги все сразу раскупались и исчезали из продажи; но можно с уверенностью сказать, что их во всех семьях берегли, давали читать друзьям, и они переходили от старших к младшим, так что их влияние ни в какой момент полностью не прекращалось.

Для взрослых были тогда другие книги, от более или менее пошлых, как романы Вильяма Локка и Оливии Уэдли, до утонченных рассказов и романов француза Анри де Ренье, некоторые в поразительно виртуозном переводе, в силу которого они сохраняли всю прелесть подлинника. Публика инстинктивно отличала, и любила гораздо меньше произведения «прогрессивных» писателей, более или менее созвучных большевикам и всячески ими декламировавшихся [так в тексте – *Н.В.*]. К этим последним относились Эптон Синклер, Теодор Дрейзер, Франк Норрис, Эдна Фербер и, позже, конечно, Стейнбек, Ромэн Ролан, Андрэ Жид, Лион Фейхтвангер – этих переводили по преимуществу уже в более поздние годы. С каждым из них советская власть имела флирт, потом разрыв, а иногда и новое примирение.

Единственный литературный жанр, который был строго под запретом, это – все касающееся мистики, сверхъестественного, потустороннего. Иногда, все же, контрабандой, переводилось и печаталось кое-что стоявшее на грани этого жанра и научной фантастики, как например «Мастер Страшного Суда» Лео Перуца или «Дом людей живых» Клода Фаррера.

В целом, тот период является в истории русской литературы особой страницей, которую не следует ни забывать, ни недооценивать. Прочитанные в детстве или в зрелом возрасте, все эти книги вносили что-то в мышление подсоветской интеллигенции, и, при внимательном исследовании, их влияние, отголоски их сюжетов и приемов, можно не редко отыскать у писателей и журналистов более поздней поры.

Владимир Рудинский

Опубликовано:

Новое русское слово, № 16401, 24 мая 1958 года, с. 2